

577
В 69

ИЗДАВНИЦТВО ТОВАРИСТВА „ПРОСВѢТЫ“ В УЖГОРОДЪ

Число 32.

ПАМЯТИ АЛЕКСАНДРА ДУХНОВИЧА.

Написав :

АВГУСТИН ВОЛОШИН.

В УЖГОРОДЪ, 1923.
КНИГОПЕЧАТНЯ „ВИКТОРИЯ“.

Подарунок сім'ї академіка
О.Р.Мазуркевича

84574K

371
B69

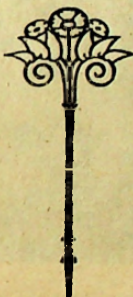
ВЫДАВНИЦТВО ТОВАРИСТВА „ПРОСВѢТЫ“ В УЖГОРОДѢ

Число 32.

ПАМЯТИ АЛЕКСАНДРА ДУХНОВИЧА.

Написав :

АВГУСТИН ВОЛОШИН.

Державна
науково-педагогічна
бібліотека України
імені В.С.Оухомлиського

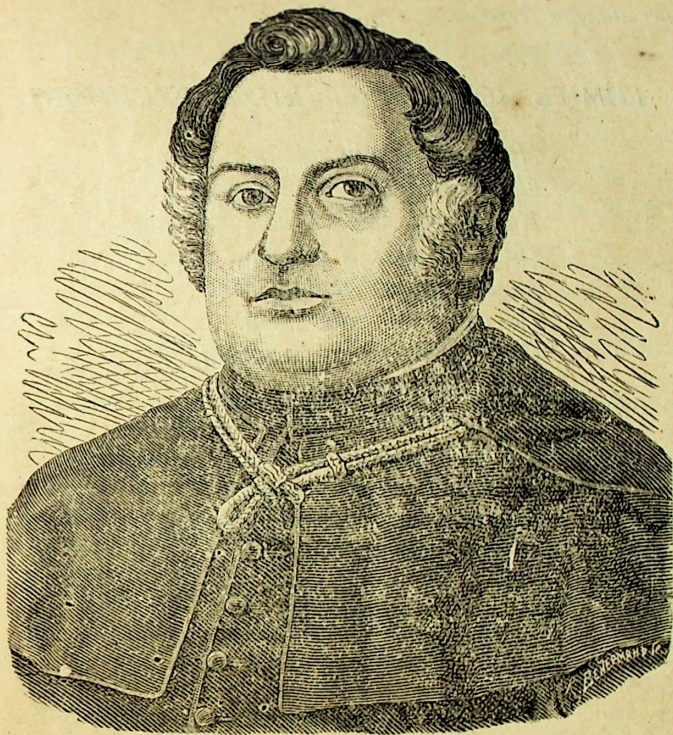
В УЖГОРОДѢ, 1923.
КНИГОПЕЧАТНЯ „ВИКТОРІЯ“.

8 4514 К

13

каб

34 (091)(477)-051+929] Духнович

Александр Духнович 24/IV. 1803 — 29/III. 1865.

Александръ Лухновичъ :

ГИМНЪ ПОДКАРПАТСКИХЪ РУСИНОВЪ.

Подкарпатскіи русины
Оставьте глубокой сонъ!
Народный голосъ зоветъ васъ :
Не забудьте о своемъ!
Наш народъ любимый
Да будетъ свободный.
Отъ него да отдалится
Неприятелей буря,
Да посѣтитъ справедливость
Ужъ и русское племя!
Желаніе руськихъ вождь;
Руській да живетъ народъ!
Все просимъ Всевышняго,
Да поддержитъ руськаго,
И дастъ вѣка лучшаго!

☿☿☿

Памяти Александра Духновича.

„Сами здоровы спѣвайте,
А на „Батька“ памятайте“.
(Из посл. пѣсни Духновича)

Устами поэта говорить к нам геній народа. Душевні очи его видять у будущность. Он е пророком народных идей.

Талант поэта, то дар Божій, дар не так для него самого, як особливо для народа, для сучасных и будущих поколѣнь.

Мы, подкарпатскѣ русины, мали до сих пор дуже мало таких людей.

Одним из найзаслуженѣйших быв Александер Духнович.

Ему дуже много маеме дяковати; можеме казати, что Духнович мае головну заслугу в том, что свѣтло русько-народного сознаня на Подкарпатю не загасло изовсѣм, что слѣд потомков колись славного руського народа не исчез.

Кто бо знав его, кто читав его верши и книги, той из его щироѣ любви ко своему народу и сам почув теплоту народноѣ солидариты.

Дня 24. апрѣля 1923. року минуло 120 роков од дня уродження Александра Духновича.

Всѣ Подк. русины, а особливо члены „Просвѣты“ радо повитають книжочку, где буде описано житѣ и дѣяльность нашего „Батька“.

Най познають наши люде, чога в сердцѣ твоем было много, най порозумѣють, якѣ идеѣ гнали Тебе ко неутомимой працѣ, най научаться, як треба любити свою церков и свой народ, як треба трудитися для своих!

И прочто ся называеш Ты „Батьком“?

Прото, ибо руській народ был твоим родом,

Твоею дѣтиною, честію та славою; в нем видѣв ты свой дух, свою будущность, свое счастье.

И за сію горячу любов не достав Ты нич, ни похвалы, ни богатства, даже приняв Ты и от своих много невдячности!

А колько то стихій бурных
Колько молній и стрѣл бурных,
Изнѣс от врагов природных
И от чужих и от родных.

Но зато Ты не перестав люби ти русина, бо Ты любив его не лиш за добру сторону, но и за його хибы та злобу, хоть и плакав над ним!

Твои слова, твой заповѣт буде ведучою звѣздою для грядущих поколѣнь, Твои идеѣ зродять нам ревных жовнѣров для народного войска.

Твой дух меж нами буде от рода в род!

Молодѣ лѣта Духновича.

Ал. Духнович родився в селѣ Тополяна (Земплинской жупы) дня 24. апрѣля 1803. Отець его Василь був там гр.-каѳ. священником. Мати его, Марія Гербери, была донькою Іонна Герберія, пароха Дьордшошского. Александер був сыном другим родичов своих.

Крестины малого Александра odbyлися дня 1. мая 1803, и то обряд крещенія кончив Михаил Пуза, порох Кривуцкій (потом Кленовскій), крестными родичами были Александер Сирмаи и Клара Беллович.

Родичи дуже старанно виховали малого Александра, и то вже в молодых лѣтах заскѣпили в душу его любов ко своему народу. Вже в родинном домѣ научився по руськи читати-писати. Потом понесли го родичи до уйка Димитрія Герберія в Старину, и опят до дѣда, Ивана Герберія до Клокочова, где откончивши руськѣ начальнo-школьнѣ студіи (як сам пише: *absolutis ruthenicis elementaribus notitiis*), рока 1813. повезли го в Ужгород, где за три роки кончив нормальнѣ классы (учителями его были Иван Бенъовскій и Антоній Бем), и потом переступив у гимназію.

Профессорами его были в гимназии: Екер, ексарсі-
nus, Михаил Полянкой, Игнатій Кисель, Георгій Ду-
ранъ и Михаил Повольный.

В науках был прилѣжный, и скоро выказав свой
поэтический талант.

На жаль, вже р. 1816 утратив любимого отца,
котрый помер в хворотѣ тиф.

Мати осталася з 6 сиротами.

Найстаршим меж дѣтьми был Александер и як
он в своей автобіографіи пише, р. 1821, хотяй гото-
вился выучитися за мѣрляника, на просьбу матери
стався клериком епархіи Пряшевскоѣ. Як такого епи-
скоп Таркович з стипендією 150 флоренов на дво-
рочнѣ философичнѣ студіи заслав до Кошиць, а р.
1823 на богословскій курс до Ужгорода.

Духнович в Пряшовской епископской резиденци.

Рока 1827. докончив богословскѣ студіи и дораз
выименовали го за епархіального архиваря до Пря-
шева. Но „тяжка была моя судьба, пише он, в епархіаль-
ном урядѣ, хотяй прилѣжно працював ем, не раз день и
ноч не спочивавши, хотяй не раз похвалив мя на-
чальник канцелларіи, однако ани один „денар“ наго-
роды не достав и прото премного терпѣв нужды,
вже и одежда ми порвалася, не раз (правду кажу, со-
вѣстно) босый перебивав дома, но прилѣжно'м писав,
еднако не знав добыти ласки и помилованя, еще и
харч и бываня одказав ми епископ Таркович, сей
чудноѣ натурѣ чоловѣк (*curiosae indolis homo*). За-
дарь просив я яку небудь капелланію або найслабшѣ
тогда фари жолцовску и волковску, або иншакое
хоть якое помѣщеніе, понеже не приспѣла полегша,
принужден був'ем думати, что под несчастною пла-
нетою узрѣв я свѣт! Что уже было менѣ дѣлати!
Одказали мнѣ всякое помѣщеніе и ще и отпушенье
у другу епархію, у котру охотно бы были мя при-
няли, не было мнѣ дано, а мучитися на вѣки моло-
дому еще чоловѣку, перевышало вже силы людскѣ!
Что таже дѣлати? Глядати кусок хлѣба и прото
концем мѣсяца октября 1830. рока з одважною ду-

шою оставив я сіе мѣсто мук и от никого не одклонившись серед горьких слез з позычеными мнѣ грошми (едного флорена) от Атаназія Яромис, администратора парохіи, цуравый и на полу босый, як бѣженецъ прійшов я в Ужгород.“

Там епископ В. Полович, котрый его вже в семинаріи лично спознавав, ласкаво и дружно его приняв и сейчас перебрав в клир епархіи Мукачевскоѣ; но понеже епископ Григорій Таркович против сего протестовав и димиссію дати не хотѣв, остався як „вандруючій, ни где не маючій аппликаціи (приспособленя).“

Но Божое провидѣніе и тут засвѣтило ласкаво на бѣднаго, понеже вицишпан Ужанского комитата Стефан Петровой „взяв мене невинного под свою протекцію, принявши мене в дом свой, повѣрив менѣ 7. рочного сына своего Акакія для выхованя; что я, выгнанный, поблагодарити желавше, сына его по наилучшим педагогичным началам выховав и учинив з него мужа ученого, серіозного, солидного, разом стався поважным другом дома . . . и познакомився з цѣлым панством комитатов Ужанского, Бережанского, Земплинского и Заболчского“.

В домѣ Петрова я перебыв Д. до р. 1830.

И так не много радости зазнав наш Духнович в своих молодых лѣтах. Утѣхи глядав и найшов он лиш во своих вершах, котрѣ вже тогда почав писати. И в тых вершах не одбиваеся тот смуток, котрым написана автобіографія, но ясна, весела душа поэта.

Духнович на островѣ „Гелена“ (в Бѣловежѣ).

Р. 1833. епископ Таркович призвав назад Духновича у епархіальну службу и як он сам пише: „як послушный сын вернувся до Пряшева“ опять у епископску канцелларію, но по словам его „опят обновилася мстительна натура епископа“. Того часу умер Стефан Скородинскій, парох комлошскій и на мѣсто его назначен Ал. Духнович, як дочасный администратор на один рок ко вдовицѣ, матери 5. сирот. Сей

рок був для Духновича дуже тяжкій, понеже роботи було много а доходу и на стравованье не старчило. И по истеченіи того рока фару достав другій (Іосиф Павлович), а Духнович переложен до Бѣловежи, где вже за три роки не было священника, ибо никто не хотѣв тоту слабеньку фару прийняти.

Туй чотири роки мусѣв перебѣдовати Александер Духнович. Еднако утѣхи найшов он в благодарности и любви вѣрников и в благосклонности панских фамилій сосѣдного села Комарова, Іосифа и Эрнеста Бидешкути.

Сіи роки Духнович выкорыстав на то, что соберав народнѣ иѣснѣ и оддавав ботаничным наукам при чем сам обробляв свою загороду, котра так много и так милого занятя дала йому, что як пише: „николи не чувся быти самотным“ (nunquam se solum fuisse sensit).

Во своей автобіографіи споминае Духнович свой сон, котрый ему снився еще р. 1829 в Прашевѣ.

„Явилося менѣ — пише (по латински), — во снѣ село: — Бѣловежа, котру я николи не видѣв и имя еѣ николи не чув и еднако видѣв во снѣ еѣ каменисту дорогу, видѣв цѣлу околицю, видѣв Церков з 5-ма турнями, видѣв парохіальный дом, значить одну сѣлску хатину, видѣв загороду и сіе мѣсто представлялося мнѣ як тюрма, у котру я запертый був, одпроваджений во снѣ туды коли и было сказано мнѣ, что там буду бевати!

— Я перепудженный, став проливати слезы и воскликнув: Туй е отже мой остров Гелена!

И тогды якійсь *геній* приступив ко мнѣ з утѣхою: „Не бойся, не упадай духом, туй лиш за 4 роки будеш бевати, а тогды высвободишся и добре тобѣ буде“.

Коли р. 1834. Духнович первыйраз увидѣв Бѣловежу, прийшов му у память той сон в р. 1829 и сказав:

— Се есть мой остров Гелена!

И тот сон и утѣшав его, что не довго буде держати побут его туй и дѣйстно дня 1. апрѣля 1838. р. воззвав его, новоименованный епископ Мукачевскій, добрый его знакомый еще из Пряшевскоѣ епископскоѣ канцелларіи, Василь Попович, чтобы перейшов

у епархію Мукачевську, и тогда прощавшися з своїми вѣрниками отправився в Ужгород.

Духнович в Ужгородѣ.

Дня 23. апр. 1838. рока начав Духнович свою нову службу в Ужгородѣ, як нотарь консисторіи. Туй остався он аж до 1. января 1844. рока, понеже дня 11. апр. 1843. выименовали го за каноника епархіи Пряшовскоѣ (canonicus scholasticus). Як каноник инсталлован (заведен) дня 23. юлія 1843. рока.

О переходѣ своем до Мукачевскоѣ епархіи в автобіографіи своей лиш то пише Духнович, что „николи никому бы не радив из одноѣ епархіи перейти у другу“, а особливо мало большу посаду заняти, ибо „если до того часу не мав ворогов, в чужом новом мѣстѣ неотмѣнно много их буде мати“.

Еднако побут Духновича в Ужгородѣ мав для него дуже добрѣ наслѣдки.

Утѣху свою найшов он туй особливо у богатой епископской *библіотецѣ*, котру прилѣжно перестудіовав.

Сіи студіи привели его ко думцѣ: основати *першу руську друкарню*, для Подкарпатя. Формальное внесенье подав Духнович лиш р. 1850. вже из Пряшова. Сію друкарню Духнович хотѣв основати в Мукачевском монастырѣ, где из среди членов чина Св. Вас. Великомо найшли бы ся работники для друкарнѣ и особливо для писаня.

Шкода, что прекрасна идея Духновича осталася лиш идеею!

Духнович, як посол.

От дня 1. янв. 1844. опят в Пряшевѣ бывае Духнович, котрый з великою охотою начав свою роботу, як каноник. Р. 1846 (7 V) стався canonicus custos, р. 1851. canonicus cantor, р. 1857. canonicus lector.

В 1847 и 1848 р. Духнович був выслан со стороны Пряшовскоѣ капитулы, як першій и послѣдній посол до Пресбургу (Братислава) у собраніе делегатів краинских (парламент).

О том посолском собраніи пише Духнович: „Розлученѣ скажениною національности „Отцы края“, в главѣ з Лудовиком Кошут з подобными ему пролетарями были перенятѣ намѣреніем все зреформовати. В явных совѣщанях не обдуманя, но насильство, як якась зараза пановало, не обдуманя молодеж, собравшиися из всѣх околиць края, криком и неправильными восклицами мѣшала серіознѣ нарады, так, что кто для добра родного краю хотѣв проговорити, не мог то зробити. Желанія серіознѣйшоѣ части, Церковноѣ и свѣтскоѣ, не уважалися. „К табору недоводеных перейшло большинство магнатов и шляхтичов, котрѣ по словам Духновича“ так заслѣплело требовали зреформованье конституціи, что таким средством видѣлися в руках Лудовика Кошута, як „листа дерев в службѣ подува вѣтра“.

Описуючи напрям засѣдань парламента зазначуе Духнович, что: „сесѣ несчастнѣ послы (infausti hi Patres Conscripti), поставили собѣ за принцип основати велику мадырскую державу и рѣшили, чтобы лиш мадырскій язык мав свое повное право и каждый обыватель сейчас почав учитися сему языку, даже и говорить и в смыслѣ сего принципа стремилися к тому, чтобы Гунгарія, як независима держава от Австрин оторвалася, и своим власным правительством была управляема“.

Огонь душ роздували надѣєю свободы, котра еднако представляла ся во зеркалѣ розврата, „не в дусѣ демокраціи, котру голоспли, но в дусѣ демонокраціи особливо у розагитованоѣ молодежи, перед котрою не было ничего святого, ничего поважаного кромѣ мадыризма и свободы!“

И тот переворот повстав в той Гунгаріи, в котрой „для шляхотного чоловѣка быв справедливый рай, так что и говорилося, что вѣѣ Гунгаріи не е жизни, и если е, нигде не е такоѣ!“

Но все перемѣняеся и солодость меду через довгий час переходить у горькій смак.

Так и шляхотна Гунгарія в наслѣдок агитаціи Кошута кличами борьбы за свободу — упала у

борьбу против себе самоѣ, и постепенно перейшла ко революціи.

Духнович в революціи.

Интересантно нам знати, як дивился Духнович на мадарску революцію и якѣ испытаня мав он тогды перетерпѣти.

„Рока 1848, выбухла, пише Духнович, революція в Угорщинѣ, котра началась битвами межи Горватами и Уграми, т. е. Славянами и Мадярами, и то выбухла формальна внутрѣшняя война, переже во Сербской воеводинѣ до рѣкъ Дравы и Савы, из обох сторон страшна, а потом розгорѣлася во цѣлой державѣ. О сей войнѣ будутъ писати другѣ, туй доста буде примѣтити, что и в городѣ Пряшевѣ были большѣ движенія: горожане Пряшова, исключивше нѣскольکو мадяронов (понеже туй жадных Мадяров не было) пристали ко сторонѣ Династіи и Царя и зато стали их переслѣдовати Мадяроны, значить из славянов и нѣмцев выродившѣся Мадяре и так не раз великим опасностямъ былиꙋсме выставленѣ. Дня 7. апрѣля 1849. рока, т. е. на саму субботу велику Латинян мадарскѣ революціонеры (по большей части спишскѣ нѣмцѣ, котрѣ хотяи и едно слово не знали из мадарского языка, еднако мадярами любилися звати) под водительствомъ Беницкого напали на городъ Пряшев, котрый обороняли славяне под водительствомъ Блоудека. Беницкій мав двѣ метательнѣ машины и много войска, еднако славяне, хотяи были лиш бѣднѣ добровольнѣ и ни воинскихъ одежъ ни аммуниціи не мали, бодро противостали и великій мостъ противъ нападковъ революціонеровъ обороняли от 10. години ранноѣ до 4. пополудню. Наконецъ о год. 4. пополудню славяне подпалили великій мостъ, оставивше двоихъ людей, одступилися ко Раславицѣ, а революціонеры, котрѣ 17 людей утратили, зайшли в городъ“.

„И я, пише дале Духнович, принужденъ бывъ брати участь в испытаніяхъ сеѣ революціи; значить за принадлежность ко цѣсарской сторонѣ на подбуренье воровъ взяли мя в подозрѣніе за то, что я рускѣ

(ruthenicos) книги писав, и несчастного дня 27-го апрѣля 1849. рока арестовали мя розярениѣ мадьяре, и перше в городском домѣ Пряшева заперли, а потом еще того самого дня около первоѣ години отправадили як якогось злодѣя на мѣсто траченя серед чотырьма гусарами — конниками и двома канонами; перед нами ишла една легія польска, за нами слѣдовала легія мадыарских гонведов, а з боков една ескадра Гусаров! Николи не забуду тот несчастный день 27. апрѣля! Яку он душевну ганьбу и болѣзнь причинив мнѣ вже 50 рочному чоловѣку!“

Так „серед постоянных насмѣшок, ганьблень и лайнок безочливых набѣглых революціонеров“ попроврадили сго до Лемешан, як перву стацію, в един жидовскій дом, где „достав я, пише. участника терпѣній в особѣ Андрея Краснянского, латинского обряда архидіакона Шаришского и пароха Какашфалванского, котрого подобно, як мене припроврадили у тоту же жидовску корчму, в котрой без закуски до вечера держали нас вооруженѣ сторожи. Из сеѣх неприемноѣх стаціи чотыре правильнѣх гусары, котрѣ еднако честно обходилися з нами, попроврадили нас до Кошиць, куда прибыли'сме о 11. годинѣ ночи и где тогды революціонеры славили детронизацію Царя и провозголошенье независимоѣ Угорщины; ибо треба примѣтити, что по перенесеніи сѣдла парламента из Пешту до Дебрецина, между прочими и до тоѣ глупости допустилися приверженцѣ Кошута, что рѣшили и выголосили детронизацію найлѣпшого и побожнѣйшого Царя, Фердинанда V-го, выповѣвши разом независимость Угорщины от Габсбургскоѣ Династіи. Над сим фактом радуючися можно казати з лютостію веселилися. Город Кошиць, побольшой части принадлежацій ко революціонерам, блискучо быв освѣтлен и мы в той лютой веселости не народа но можно казати опянѣлоѣ товпы, коли по улицах нас провадили, легко стали бы были'сме ся жертвою злости их, если бы были нас не обороняли провадившѣ нас от нападков одичѣлоѣ товпы. Тогды, памятаю, горькѣм слезы проливав и возкликовав: „Аще есть болѣзнь, яко болѣзнь моя“. Так повели

нас двоих и третьего товариша, торговника из Пряшева, Миттермана, ко городскому дому Кошиць и заперли в одну комнату, приставивши стражу, т. е. двоих гайдуков вооруженных в комнатѣ и двоих полицейных слуг вон, при дверях. Все то сталося 27. и 28. апрѣля, а дня 29, товариша в терпѣнях Андрея Краснянского отвезли во Калловску тюрьму, а мене повели без стражи во Духовну Семинарію, где оставѣмся в комнатѣ хворых аж до 5. мая, при чем ректор семинаріи, каноник Адам Солчанѣ, котрый порозумѣв мою тяжку судьбу, по возможности благосклонно обходився со мною. Туй, кажу, остався я без стражи, лиш свободно выходить было мнѣ запрещено; однако дня 5. мая, доставши от комиссаря Барона Лужинского позволенье, пустили мя до дому и я при тайной ассистенціи стражи вернувся до Пряшова, где остався под надзором и не было позволено мнѣ выходить из города.

Не забуду спомянути еще един смутный припад, т. е. коли дня 27. апрѣля, так ганьбливо (*opprobriose*) провадили мя, межи прочими пакостями волоцюгов особливо же польских, на горѣ Дриновской приступив ко мнѣ един червеноволосый поляк, котрого капитаном звали; сей чоловік грубыми вырзами напав на мене, ганьбив, высмѣвав и оплював мене и на конец приказав, чтобы-м чоботы иззув, чтобы-м пѣше ишов. И то была для мене найгорша тортур! На конец давши ми страшный удар по лицу, отступился от мене жовтый поляк, кому я певно не желав тогда доброе.

В связи з споминами о революціи Угорщины, або лучше сказавши о внутрѣшной войнѣ, роздутаѣ недовольными пролетарями, маю еще зазначити для памяти, что еще из круга духовенства так свѣтского як монашеского поеднѣ слѣдовали духу революционеров, т. е. сталися твердыми оборонцами мадарскоѣ народности, надѣячися от повстанцьов добыти незаслуженый поступ свой; так, на жаль и в сей епархіи Пряшевской, котра впрочем состоит из славянского народа, нашлись прихильники Кошута,

котрѣ однако по возстановленіи мира з помочію войска Россійского, достали свою заслужену кару; так между прочими Іосиф Бованкович, титулярный каноник и парох Микогазскій осужден на два роки тюрьмы в замку Мукачевском, а граф Іосиф Крейт, парох Матисовскій на шѣсть рочну тюрьму в крѣпости Іосиф-Штадской.“

По революціи.

Послѣ усмиреня революціи мадяров слѣдовала дочасна управа нѣмецка, во урядах и школах заведен язык нѣмецкій, система Баха и цѣла Угорщина наповнена была нѣмцями. „Великѣ подати требовали, — так что сесим смертельный удар достало до сих пор свободное нямештво (рыцарство). Не так давно так славнѣ рыцарѣ затихли, еще и указоватися не смѣли, однако всегда надѣялися и нову революцію жадали; но ни один из них не смѣв ани киватися; из чего ясно, что так гордое рыцарство угорско-мадярское в большой части могло ся хвалити хиба лиш великим ротом. —“

Рока 1860. опят засіяла мадярам зоря надѣи. Царь Франциск Іосиф, послѣ неудачноѣ галианскоѣ войны, народностям конституцію даровав, силою котроѣ нѣмцѣ и чехи, котрѣ вже „цѣлу Угорщину осѣли и звали еѣ „*unserez neues Land*“ („новым краем нашим“), принужденѣ были из края, т. е. из урядов одступитися, а политична и судова управа (изявше финансы) мадярам вернена.“

З великою славностію обновилися давнѣ сборы и засѣданя; бесѣдники довгѣ промовы держали, в котрых „кромѣ накидов на нѣмцов нич мудрого не было“; уряды опят заняло майже лиш рыцарство; злость и тиранство обновилися, против нерыцарьов — можно казати — египетскѣ кары заведенѣ; но вся тота власть держала лиш за один рок; ибо „видѣвши страшнѣ надужитя Его Величество розпустив Пештску комиссію и возстановив дочасну управу, в котрой рыцарѣ не приняли урядов. Так и из русинов были двое выименованѣ за царских комиссарьов;

один из сих: Александер *Негребецкій*, сын пароха ниже-рыбнищкого, поставлен перше за комиссаря, потом за наджупана Ужгородского комитату, другій: Петро *Долинай* за комиссаря Мараморошского комитату.

И так многѣ из талантливых русинов досталися у высшѣ уряды, о котрых не можеме мовчати, як Иван *Ляхович* поджунан в Ужгородском комитатѣ, Корнилій *Добрянскій*, поджупан в Мараморошском комитатѣ, многѣ сталися нотарями, синдиками и судіями комитатскими. Во Шаришском комитатѣ за наджупана выименован Иван *Главач*, перед сим незнанный (нерыцарь). Комитатскими судіями сталися: Александер *Мартяк*, Михаил *Невицкій*, Стефан *Петрик*, Іосиф *Безетій*, Антоній *Завадскій*, Георгій *Ладмирскій*; комитатским фискусом: Стефан *Ковалицкій*; засѣдателем: Іосиф *Ройкович*; и сіи все честнѣ и ревиѣ русины.

Так и для бѣдных русинов отворилася брама ко публичным урядам, котра перед тым желѣзными замками была заперта.“

Смерть Духновича.

Не довго мог тѣшитися батько поступу руськоѣ интеллигенціи, ибо р. 1867. нѣмцѣ австріи и Мадяре Угорщины заключили соглашеніе, в смыслѣ которого обезпечена нѣмецка гегемонія в Австріи и мадырска в Угорщинѣ.

Тогда началось поправдѣ панство мадырскоѣ шляхты, котра скоро загарбала все уряды до себе.

Но до сего вже Духнович не дожив ибо дия 29. марта 1865. рока, о 11. год. ночи умер.

Не дожив до страшного упадка своего народа, который од 1867. рока майже ко народному гробу депровадив его род, однако душа его почувла будучу гяжку судьбу русинов, ибо в одном верши то каже:

„Я сумный, дума иде
О том, что еще буде
В моем родном племени
По столѣтном времени“

Не дожив Духнович „времен тяжких испытаній“, в котрых лиш его идеѣ, его творы поддерживали надѣю на лѣпшу будучность. Он бо обѣщав нам „зореньку свободы“ его очи душевнѣ видѣли, что вже вѣтры с юга подувають и морозы исчезают.

Он знав, что идея славянска росте, что мусить прійти весна угнетенных славянов и для того воззывав нас, чтобы и мы „строили стѣны, будовали дом с чувственного мрамора“.

„Стройте гнѣздо для потомков,
Для будущих родных внуков
Сѣйте богато сѣмя,
Чтоб задержалось племя“

И дѣйстно, свѣтова война опят отворила ворота народнѣ свободы, принесла весну славянам Подкарпатя.

Его геній подлетѣв меж нами и теплым пѣрьом нас загрѣвае

„бо то желае любов
для родных своих сынов“.

Побожность Духновича.

Духнович быв ширым, вѣрным сыном своѣй церкви и то хотѣв, чтобы и его „народ любимый“ остався всегда побожным, ибо от христіанскоѣ цивилизації ожидав лучшу будучность для русинов.

Его верши виражаютъ Его здоровый, непритворенный „страх господень“ перед „сильным Творцем“ и его непоколебиму надѣю на помоч Бога, на „побѣду через Бога“.

И так брат мой, коль нападе
На тебе лиха бѣда,
Не отчай, то пропаде,
У Бога есть побѣда.

(Надежа в Бога)

Его Азбука (Книжиця Читальная для начинающих), в котрой Духнович во вершах выробив всѣ молитвы и моральнѣ напominаня для дѣтей, с доказом его отцовскоѣ любви ко руським дѣточкам и указуе

на то, як красно як легко заскѣпляв он зерна по-
божности у невинну душу малых учеников.

„Прійди о небесный Царю,
и даруй нам твою ласку,
Розум и мысль просвѣти,
Сердце ласков наполни!“

(Молитва перед наукою.)

Подлость и злѣ наслѣдки дѣтинских провин пред-
ставляе ясными словами, котрѣ способны глубоко
впливати на молоденькѣ сердца. На пр.

Кто на Бога грѣшитъ, лае
Камѣнь на небо метаетъ,
Котрый паде на землю,
Провалить му голову.

(Клятва.)

Любов ко роботѣ, охоту ко взаимной помочи,
глубокое уваженье супротив родичов и старших
находятъ во его Азбучных вершах подходячѣ выразы.
На пр.

Не ганьба то працювати
Землю орати, копати,
Но есть ганьба, стыд лежати
Лем от других вшитко ждати.

Або :

Знай дѣтино честовати
Родителей: отца, мати
И старшого все слухай,
Чести кождому отдай.

В таком самом, побожном дусѣ е написана и его
„Народна педагогiя“ (1857.), в предисловію котрой
каже: „Дай сыну твоему добрый нрав, дай ему науку,
способность, трудолюбіе, доброе сердце, любов ко
Богу и ближнему, . . . и уже дал еси ему богатство“.

Найвиднѣйшим знаком его глубокоѣ побожности
быв его молитвенник „Хлѣб Души“, (1851). Духнович
знав, что щира побожность корени свои мае в сердцѣ,
в почуванях наших и для того хотѣв, чтобы вѣрники
не лиш ротом промовляли слова церковных обрядов

и молитв, но чтобы порозумѣли и почувствовали значенье тех слов. Для того и приспособив стиль молитв ко народному языку, текст тех молитв подав таким легким стильом, что и теперь мило нам из них подачто прочитать.

То самое хотѣв и в „Литургическом катихизѣ“ в котром популярно толкуе наш обряд, устройство церкви, св. Литургію и прочѣ церковнѣ отправки причем указуе и на поеднѣ краснѣ звѣчаѣ нашѣ, як благословеніе приносов, поклоны, благословеніе дѣвиць и пр.

Его заповѣт кличе нас ко народному воскресенію, но указуе и на тоту виѣлеемску звѣзду, котра нас ко „вѣку лучшому“ поведе и тою звѣздою е „ласка Всевышняго“ у котру и сам себе не раз вручав Створителю

„И духом, сердцем смиренным
Силу Его повѣдав“.

Патріотизм Духновича.

Духнович быв щирым, ревным патріотом руським. Из глубины сердца любив свой народ.

„Четный мой род незабу
останусь его сыном“

(Вручаніе)

У вершах особливо же в своих переписках много поносуеся за то, что народное дѣло русинов не може преуспѣвати.

В поезіи „Любов милой и отечества“ прекрасно описуе болѣзнь душевну, котра постигла русина утратою надѣи народноѣ свободы:

„Судьба, судьба, о нещастна
Таж мене осудила,
О свирѣпа, о ужасна,
Невинну погубила“

А потом ниже:

„Мене бо пламень знатнѣйшій
Палить и превосходнѣйшій
Невгасимый его жар,

Мене зве сила природна,
Исторгне любов народна,
Я ей пожертвился в дар“

В сатиры „Отечество“ подае смутный образ
горожанина без отечества, „оборваного волоцюги“,
котрый

„Голый, босый, нечесаный
необритый, невытый . . .
то все бѣда, — а найболша .
коль есть и насытый“

и котрый тим ся тѣшитъ, что

„Цѣлый свѣтъ моя отчизна
я дом не будую,
там то мой рай, там дѣдизна
где ся погодую.“

Не думаю, не гадаю
то мнѣ не на груди,
будьто язык, якій хотять
говорять там люди.“

Подобны думки читаеме в аллегоріи „Сирота в
зачоченіи“ в котрой представляея Духнович, як
щирый сын „Руси“

„Одну тебе весь желаю
Тебе в мысли и дусѣ
Тебе в зеркалѣ чистых вод
Вижу и на воздухѣ.“

Выражае свою глубоку болѣзнь, что лиш из
далека може думати на мамушку, „Русь“

„Бо, о горе! между нами
Есть велика широта
И хотяй мамушку маю
Однакож я сирота“

Духнович тепло бажав, чтобы русин „оставив
глубокій сон“, чтобы быв свободный, чтобы отдали-
лася от него „непріятелей буря“ и чтобы Бог дав
ему „вѣка лучшого“.

И сам неутомимо працював, чтобы мог поднести культуру своего народа, для того написав Азбуку, Граматику, Землепись, Литург. Катихиз, Молитвенник, Педагогику, Мѣсяцословы, много статей до газет и свои одушевляющѣ вершѣ, в котрых представлялся он, як першій ревнѣйшій будитель русинов.

Еще лѣпше отверто говорить к нам щирый патриотизм Духновича в его переписках, до Галицких своих друзей.

Постоянно скаржитъся за упадок народного дѣла.

З дня 25 V. (6 VI) 1853. пише Якову Головацкому:

„Брате, у нас читательство вельми слабое. . . я уже все издал свое на просвѣщеніе народа, но никто не помагае ни одним крайцаром. . . а як я попуцу, то все пропаде. . .“

Книги отбирают, но не платят. . . бо дуже смадярицилися, все руское им простое видится, . . . не помыслили бы вы, як унылымъ есть у нас рускій язык, а литература чужа. . . Так брате стою я, жалѣйте надомною! Моя надѣя в молодежи и в русских свѣтских чиновниках, они ревныи суть“.

З дня 27. IX. (9. X.) 1855. пише из Пряшова до Якова Головацкого:

„Брат мой! . . . У нас напрасно дѣло трудитися издаваніем книг, ону не желае никто, и не читае, наше мадярское прежнее воспитаніе ничего не поминало. . . геній той запалил дух молодежи суетою, и неограниченною пыхою; у нас кто по мадярски говорити знае, он не требуе письма, бо он уже все знае. . . Школы народнѣ на папери а в дѣлѣ ничего. . .“

З дня 24. XII. 1859 (5. I. 1860) пише:

„тут владѣ мадяризм и матеріализм, мы совсѣм подупали, один я остался на поруганіе и нѣсколько друзей в тайнѣ“.

З дня 6. I. 1860 пише:

„Наши мадяры из поводу краковских поляков, велики надежды себѣ ображають, что всѣ чиновства будут по мадярски дѣйствовать и по тому мы между Сциллою и Харибдом так из двух сторон нас возмут, двѣ власти истребити нас стрѣмляться и дай Боже, чтобы выдержати борьбу. . .“

З дня 6. (18.) II. 1860 пише:

„Мадяризм заводится всюду. . . Наша доля все несчастна мы мадярам очи колеме, а Нѣмцѣ нам не вѣрують; так мы

всюду бѣдны люди . . . Нам защита горы и скалы . . . камень прибѣжище зайцем“.

И не лиш о духовных интересах дбав Духнович, но его болѣло и то, если материально подупав его народ. В листѣ з 15 27. X. 1854. р описуе нужду народа:

„Брат мой! У нас снова бѣда, и той год скудый был, картофли погибли уже совсѣм, нужда несповѣдима. . . . По Шарипской, Спишской и Земянской столицам зараза на скот жестока, суть села, гдѣ вся скотина пропала — по нѣкоторым мѣстам и кони падают“.

Дня 22. IX. (4. X.) 1853. пише:

„У нас брате неизреченное убожество и прото вся литература стогне, старшіи же еще не понимают наукового духа, надежда в молодых . . .“

В том же листѣ подае, что не знае, буде-ли рускій язык преподаватися или нѣт; „если буде, я прійму той труд бесплатно“.

Из сих цитатов Духновича ясно представляеся нам его щира любов ко своему народу, его самопосвята для народного дѣла.

Духнович и Галицка Русь та Славяне.

Духнович быв в тѣсной душевной связи з Галицкою Русею. Знав, что нас не лиш един язык, една вѣра и една доля звязуе, но вѣровав и то, что и судьба будуча наша тѣсно связана, что мы без культурноѣ единости з найближшими нам галицкими Русинами — пропадеме.

В поезіи „Голос радости“ теплыми словами при-витае „от угорских русинов“ новопоставленного митрополита Григорія Барона Яхимовича и туй между прочими каже:

„Бо свои то за горами — не чужи:
Русь едина, мысль одна з всѣх в души;
То и Пастырь, что для всѣх там есть отцем,
Помнит, что мы также братья-Русь жіем!

А жіем тут тѣмже сердцем и душой,
С тѣмже словом и во вѣрѣ той самой,
Так, что если кто болѣе як нибудь,
Нашой братьи боль такійже тисне грудь.“

В Галичинѣ мав Духнович своих найщирійших друзей з котрыми часто перелисозався и тѣ переписки повнѣ найтеплѣйшими вырзами любви.

В листѣ з дня 7/19 травня 853 пише до Головацкого :

„ . . . мы древніи друзья, и тѣ будем надѣюсь до гроба люблю я каждого кто русин, но доброхотного и занимательного еще и почитаю. Я вас в любезном вашем братѣ лично смотрю, а дѣла ваши суть мнѣ чистым зеркалом“.

В листѣ з 6.І. 1860. обѣцае, что на инсталляцію Митрополита поиде до Львова; „Пожертвую сердечно тѣх нѣскольکو реньских для вас, чтоб еще видѣти Народный Дом и вас.

Цѣлую вас и Дѣдицкого, цѣлую Малиновского и всѣх вас другов народа!“

Духнович не обмежався лиш любовью ко Галицкой Руси, в его поезіях находиме одблески и его здорового панславизму.

В „Руском маршу“ сяк одушевляе молодеж руску :

„Руски дѣти вам свѣтае,
Уж зорничка всходит вам,
Слава мати вас витае
И зове к своим рядам.

Слава, Слава наша мати
Пробудилась от сна снов
Зачинае царствовати
Взывае храбрых сынов“.

Еще яснѣйше выражае солидариту всѣх славянских народов в „Поздр. Русинам“ сими словами :

„Хоть разными голосами
Кличме ся любезно,
О мы порозуміемся
Честно и полезно“.

В листѣ з дня 7/19 V. (травня) 1853. чехов называе „братями“ и пише: „Чехи утѣшаютъ больную душу не мало своими созданіями, но и опечалюсь, видя, что . . . у насъ что дальше, то темнѣйшій мракъ“

Языкъ Духновича.

Межи иными, у велику заслугу Духновичови маеме почислити не лиш то, что стануи на становици духовоѣ и культурноѣ едности „Подгорян“*) и „Галичац“, но что и дѣйствио впровадив живу, народну мову в подкарпато-руськое письменство.

Его драма „Добродѣтель перевысшаетъ богатство“, выданна 1850. р. написана по простонародному выговору. И се робив онъ свѣдомо, ибо онъ самъ писавъ в статьи „о словесномъ Русиновъ совокулленіи“ (Вѣстникъ, 1850), что: „мы русины теперь зачинаемъ письменное наше бытіе, в началѣ сами з собою боремъся и радуемъся о совершенной уже нашей литературѣ; но прійдетъ время, коли и сами презрительно потупимъ теперѣшнее писменко наше“.

И заявить рѣшительно, что его литературно-языковымъ напрямомъ е старатися „о мовѣ карпато-або бескидо-русской, народами в Галичинѣ и Угорцинѣ употребляемой . . . а мова она в своей невинности и первой простотѣ под горами сохранена, словенско-русского языка чистоту задержала, она ближайша естъ ко старой словенской матери“.

И не лиш драма, но всѣ книжки, выданѣ прашевскимъ литературнымъ „Заведеніемъ“ были писанѣ народнымъ языкомъ, лиш правопись измѣнялася.

Або прочитайме лиш его найкрасшѣ верши, яка в нихъ блескуча народна мова.

Напр.:

„Подувай вѣтрику,
Подувай легонько,
Най моя миленька
Спочине тихонько.“

*) Такъ Духновичъ звавъ Подкарпатскихъ русиновъ.

Двигнися печально
В глубокой жалобѣ,
Не дерзай вѣяти.
На ей чорном гробѣ“.

(Тоска на гробѣ милой).

Або:

Стрѣтились слѣпый с хромым
Стали розмовляти,
Ким способом собѣ в свѣтѣ
Можно-б помагати?

И вдруг заключился совѣт:
Взял слѣпый безнога,
А хромый му показовал:
Куда есть дорога.

Сего очи, того ноги
Купно ся слагают.
Так то бѣднѣ собѣ в нуждѣ
Мудро помагают!

(Слѣпый и хромый, 1852).

В ниже поданных строфах красота языка совокуплена з ритмом думок:

Лѣтай, лѣтай, жаворонку,
В воздуху кружи,
Заспѣвай мнѣ и легонько
Щебечь по души!

Возносятся надо мною
К солнечным лучам,
Мое сердце за тобою
Взлетит к небесам“.

(Пѣснь земледѣльца весною).

То правда, что во творах Духновича находиме много старо-славянизмов, латинизмов и гунгаризмов, но если справедливо хотиме осудити заслуги его в дѣлѣ языка, во первых то треба взяти под увагу, что:

1. Духнович родився перед 120 роками и что поезіи и книжки своѣ писав перед 70—80 роками!

2. Что и сам Духнович констатовав, что наш язык, язык Русинов-подгорян найлѣпше сохранив архаизмы старого руского языка и для того у нас силѣйша была прихильность ко церковнославянским формам, як за Карпатами.

3. Что у нас кождый письменник муствѣ боротися з языковыми трудностями лѣпше, як за Карпатами, бо и тоты, что одушевлялися народною мовою, не знали еѣ так, як треба, ибо выхованѣ были в неруських школах и не было им из чого и учитися.

И Духнович и серед таких обставин еднако хотѣв розвивати народну литературу, хотѣй знав, что много мае за то и терпѣти.

Духнович на основѣ библійного (церковного) языка желав розвивати народный язык и то „на живых формах народных и выраженіях“; приняв становиско „Зорѣ Галицкоѣ“ выраженное так: „Кто ся своего живого народного языка вырекае, той заперечае свою розлучну народность и тому можно накинути якій иный язык, обы лиш був образованный, зрозумѣлый и живой“ (З. р. 1850).

И коли началися языковѣ споры, Духнович радив, чтобы Русины в мовѣ взаимно собѣ уступали: „Мы — пише он во вѣденском Вѣстнику (1850) — хотѣй цѣла наша епархія „дем“ употребляет, однакож подвержемся большой части и послѣ сему „лиш“, „лише“ будемо писати, но мѣсто, галицкого „що“, „бути“ останемся с нашим „что“, „быти“... Духнович признав, что правопись у ниякого народа не стоить неизмѣнимо, и что мае быти результатом порозумѣня. Но такое порозумѣнье уважав конечно потребным, ибо „доколѣ така распря в одном племени будет, доколѣ помянутыи братія не наклонятся к святому языка народного источнику, но упором отдалятися будут, любезну нашу народность роздирающе и оскорбляюще, то истинно розидутся Русины, як стронтели столба Вавилонского, себе неразумѣвше (Вѣстник, 1850).

В тех языковых спорах обѣ стороны признали, что „змадярщених, змазурених, зословачених Русинов не наверне до народности мова мертва (церковна) але лиш жива, народна“ (Вѣстник, 1851.)

И прото и хотѣв Духнович розвивати наш народный язык, но обставины нашѣ, архаизмы языка нашего, сильный вплив церковного языка все еще питали надѣю, что всѣм славянам удастся на основѣ старославянского розвити общеславянскій живой язык, як то голосив сербскій епископ Евгеній Иоаннович в граматицѣ своей, выданной р. 1851. у Вѣдни, против реформы Вука Караджича, котрый также то хотѣв, чтобы литературною мовою сербов стала мова народна.

Еднако Духнович еще и в 1853—60 роках не оставив свой народный напрям, приняв становище Дѣдицкого, что „язык, котрым „Зоря Галицкая“ пишет, есть розвивающийся у нас книжный малорусскій“ (З. Гал. 1853). Лиш против полонизмов писав (Лист 22 IX. 1853).

Того року написав и свою граматику, граматику народного языка, котру еднако змѣнив Раковскій, приспособившій правопис ко великорусскому, что Духнович не одобряв, як то свѣдчив Вл. Терлецкій (Угорская Русь, Киев, 1874)

Консервативизм наших людей выкорыстовали экспоненты Россіи в Австріи (Мих. Раевскій и пр.) и вмѣсто мертвого церк.-славянского направили их ко оріентаціи живого великорусского языка. Но из того не выйшов живой язык, ибо великорусскій быв нерозумѣльный и ледва знав дакотрый угророс писати по великорусски и так повстала мѣшанина из церковно-славянского, великорусского и русько-народного. И сам Духнович, як то слушно примѣтитъ Др. Ф. Тихій, николи не писав ибо и не знав по великорусски.

Словом, коли галицкѣ Русины и Сербы пойшли дальше по дорозѣ народного напрама, и обезпечили собѣ з народною литературою и культурою разом и политичный и экономичный поступ, тогда „солодкій народ“ Духновича лиш упадав, духовое житье по смерти его майже цѣлком завмерло, бо за ним вже не было кому дальше повести дѣло народноѣ лите-

ратуры, не было никого, кто бы быв смѣвъ выступити против погорды до народноѣ мовы, поддержаноѣ сильно мадарским духом.

Наши писателѣ не уважали на бажаня поедных народовцѣвъ, не глядали причины страшных успѣхов мадаризаціи в неприродном письменствѣ мертвого языка.

И, хотяи сами не были филологами, едиако спорили, боролися против природноѣ народноѣ на пряма, оправдаючи слова Миклосича, сказавшого: „Das unglück in dieser Sache ist, dass jeder, der eine Sprache redet, eo ipso auf das Epitheton eines Sprachforschers Anspruch zu haben glaubt“ (То е несчастьем в сем дѣлѣ, что каждый, котрый говорить едним языком, вже тим самим думае, что мае права на епитетон (прикметник) филолога.

Лиш ко концу XIX. столѣтія стало опят Общ. Св. Вас. Вел. поднимати спущену заставу „батька“ и стала опят розвиватися народна литература.

И теперь звѣдаю: знаючи велику любов Духновича ко своему народу и ко всѣм русинам Подгорянам и Галичанам, — если бы нынѣ жи, котрый напрям подперав бы Духнович? Ци пристав бы теперь ко тым, котрѣ не признають права до житя его родного слова? Ци одобряв бы тот напрям, котрый розбивае нас от его „любимых галичан“ и проповѣдуе ненависть против них лиш зато, бо они под тыми 70 роками, что протекли от его смерти, не спали, но зробили поступ в языцѣ и литературѣ и котрѣ и сохранили его память и заслуги для будучих поколѣнь, оцѣнили его во исторіи литературы. (Огоновскій, Барвинскій, Созанскій)?

Ци мог бы своими признавати тых, котрѣ о его великих трудах ничего не споминають? (Ибо в исторіях литературы великорусского языка Духнович не споминаеся).

Духнович, котрый еще в р. 1859. критизуючи „Житіе Святых“ Павловича примѣтитъ, что „есть полустаро славянским языком, не будет-ли и то погрѣшность“ (Лист 10. III. 1859.) и котрому в р. 1867. Раковскій закидае „нечистоту и неправильность (!) русского языка“, котрый всегда и в своей автобіографіи свой народ

русинами (Rutheni), а великороссов россянами (Russi. Russicarum Copiarum) называе, вѣрно ко себѣ мог бы быти теперь лиш *щирым народовцем!* И я так думаю, что если бы и ошибочным уважав правило новѣйшого правописаня, однако важнѣйшими бы держав едностъ, и братство всѣх русинов, як споры над поодинокими буквами, и теперь бы то требовав, чтобы противнѣ стороны в мовѣ взаимно уступали, як то писав р. 1850, а что головное, Духнович николи бы не противлявся доказанной и фаховыми авторитетами признанной науковой правдѣ, но еще радовав бы ся тому, что и его родный язык признан за литературный, что розвиваеся и что через народну литературу сталася доступною культура для кожного русина.

Значѣнье Духновича.

Из сказаных ясно стоить перед нами портрет батька Духновича, его щира душа, его теплесенькое ко всѣм русинам сердце.

И если бы дакто из строгих критиков и говорив, что Духнович не можеся ровнати з великанами свѣтовоѣ литературы, мы то признаеме, однако скажеме, что Духнович мав и мае для нас дуже глубокое значѣня.

Не можеме его поставити в один ряд з Пушкином, Шевченком або Петевфіом, не писав он так много, як на пр. Франко або Томпа, не е таким совершенным стилистом як на пр. Гоголь, або мад-ярскій Арань, однако для нас большого значѣня мае Духнович, як сіи великаны для своего народа.

Ибо Духнович засіяв нам звѣздою своеѣ письменноѣ працѣ тогда, коли начинався час быстрого и опаснѣйшого упадка нашоѣ народноѣ жизни, коли стали пропадати всѣ скарбы руського самосознаня.

Духновичова поезія подавала Русинам иинекциі в часах майже смертельноѣ летаргїи, его сильный голос будив нас в ночах найглубшого нашего народного сна и причинив то, что зоря народного воскресеня встрѣтила туй нас еще перед повным вынародовленьем.

Кромѣ того Духнович был основателем першоѣ поетичноѣ школы русинов подкарпатских, автором народнаго гимна и першоѣ драмы, автором хосенных учебников и молитвенников.

Его народный язык отворив ворота письменства для нашего народа, его легкѣ поезіи заскѣпльовали в сердца наши сѣмена народных честнот.

Отцы наши, наша молодеж, на котру он всю надбю свою складав, в тайнѣ его пѣснями, его гимном, его „Думами“ тѣшилися, набералися енергією духа народнаго и так засѣяное им сѣмя послѣ долгоѣ зимы гнета еднако сохранилося для весны одродженя.

ЗМЪСТ.

Памяти Александра Духновича	5
Молодѣ лѣта Духновича	6
Духнович в Пряшевской епископской резиденціи	7
Духнович на островѣ „Гелена“ (в Бѣловежѣ)	8
Духнович в Ужгородѣ	10
Духнович, як посол	10
Духнович в революціи	12
По революціи	15
Смерть Духновича	16
Побожность Духновича	17
Патріотизм Духновича	19
Духнович и Галицка Русь та Славяне	22
Язык Духновича	24
Значѣнье Духновича	29

10 —